

Ярмарочный театр.

„На днѣ“

„На днѣ“ тѣмъ трудно для постановки, что, сомнѣ развѣ художественнаго театра въ Москвѣ, „создающаго“ исполненіе этой пьесы,—едва ли найдется труппа, въ которой всѣ роли ея или бы исполнены хорошо. Слишкомъ ихъ много и слишкомъ притомъ всѣ онѣ, до самой маленькой, ответственны. За то публикѣ тѣмъ болѣе интересно смотрѣть въ этой пьесѣ новыя труппы: хоть „исподволь“ да она знакомится съ хорошимъ, иногда образцовымъ исполненіемъ отдѣльныхъ ролей „дна“. Такъ и нынѣшняя ярмарочная труппа отчасти восполняетъ недостававшее у труппы г. Басманова, но отчасти заставляетъ и съ сожалѣніемъ вспоминать исполнителей послѣдней. Наиболѣе это относится къ двумъ крупнымъ фигурамъ—Луки и Сатина. Сатинъ сыгранъ и истолкованъ теперь значительно лучше, чѣмъ это сдѣлалъ г. Демюръ зимой. Лука же, наоборотъ, выходилъ гораздо живненнѣе у г. Михаленко (въ труппѣ Басманова), чѣмъ у г. Урванцева.

Сатинъ г. Янова не только по костюму и по гриму не мужикъ, какимъ нарядилъ себя г. Демюръ, но и по мельчайшимъ чертамъ манеры и интонацій. Это былъ типичный *déclassé*, бывшій чиновникъ, несмотря на дыры своего платья привыкшій къ извѣстной культурности и рѣзко отличный отъ босяковъ другой, крестьянской группы. Съ актеромъ и барономъ вмѣстѣ онъ составлялъ, какъ и слѣдовало, особую группу, „интеллигентную“. Читалъ свою роль артистъ (Сатина почти не нужно играть: хорошо читать ее—самое главное) очень выразительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне натурально и просто, несмотря на нѣкоторую позировку, казалось бы присущую самой роли Сатина. Артистъ съ тонкимъ умѣньемъ избѣгалъ всякой крикливости, всякаго ломанья, и блестящіе афоризмы его персонажа сыпались у него, точно мысли вслухъ, искренно и неумышленно. Такая манера изображать Сатина очень симпатична. Она придаетъ ему во многомъ вѣрнымъ изреченіямъ еще большую цѣну. То мѣсто, гдѣ Сатинъ, „интервьюруемый“ любопытнымъ Лукой, нехотя рассказываетъ свою исторію, было превосходно исполнено. Тутъ скрывалась подъ небрежнымъ, бравоурующимъ тономъ, безмѣрная скорбь, постоянно сдавливаемая, о погибшемъ прошломъ, такъ безвинно утерянномъ.

Лука, г. Урванцевъ, поразилъ насъ при первомъ своемъ появленіи какимъ-то страннымъ, дребежжающимъ, рѣзкимъ, тонкимъ звукомъ голоса. Никакъ не вяжется этотъ голосъ съ представленіемъ о тихомъ Лукѣ. Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ впечатлѣніе становилось неприятели. Говорилъ онъ съ сильнымъ акцентомъ на о и какимъ то дѣланнымъ тономъ—опять въ сильной дисгармоніи съ простымъ и искреннимъ въ своихъ чувствахъ Лукой. Этимъ тономъ, довольно противнымъ, Лука напоминалъ традиціонный тонъ монаховъ въ сценѣ корчмы въ „Борисѣ Годуновѣ“, тонъ дьяка въ „Чародѣйкѣ“, и вообще разныхъ русскихъ Тартюфовъ. Затѣмъ, насколько Лука г. Михаленко былъ подвиженъ и суетливъ (немножко черезъ мѣру), настолько этотъ двигался медленно и говорилъ тягуче. По вашему мнѣнію, послѣдняя крайность для Луки хуже первой. Она придавала докторальный характеръ его рѣчи, чего отнюдь не должно бытъ. Но съ дальнѣйшимъ теченіемъ роли указанная шероховатость какъ-то меньше стали покровить и чаще выступала хорошая особенность исполненія—чрезвычайная простота, рѣзко выдѣлявшаяся отъ общей дѣланности, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ блещетъ тонкое, изысканное остроуміе Луки, гдѣ онъ неотразимо „отдѣлываетъ“ своихъ противниковъ, гдѣ онъ глубокомысленно тактиченъ. Таковы были сцены съ барономъ, спросившимъ паспортъ, съ городовымъ, съ Костылевымъ („Что, старичекъ?“ „Ничего, старичекъ!“); въ послѣдней сквозила на лицѣ презрительная злость; наконецъ особенно сцена вмѣшательства въ драку Цепла съ Костылевымъ съ печки и дальнѣйшаго діалога съ Цепломъ. Всѣ онѣ были проведены мастерски. Но тамъ, гдѣ въ роли Луки преобладаетъ не умъ, а сердечная мягкость, артистъ былъ сухъ, бездушенъ (сцена съ Анной, наприм., не удалась) и чаще впадалъ въ изображеніе какого-то вздыхающаго лицемеря.

Баронъ, г. Михайлевскій, явился хорошо схваченнымъ типомъ въ мимикѣ и интонаціяхъ, но манерамъ не доставало барственнаго изящества; кромѣ того, артистъ плохо справлялся съ картавымъ выговоромъ—то забывалъ картавить, то картавилъ на разные лады—и это мѣшало иллюзіи.

Роль актера г. Неволинъ сыгралъ довольно сильно, загримированъ былъ удачно, съ мечтательнымъ выраженіемъ бывшаго Гамлета и, подъ невзрачной фізіономіей красноносаго пропойцы, съ намекомъ на былую представительность. Въ сценѣ съ Лукой, рисуящимъ ему мѣражъ чудесной лечебницы, актеръ одушевился съ болѣзненной страстностью и весь сіялъ отъ лучезарной грезы. Это мѣсто было проведено очень правдиво и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко.

Молодые женскія роли выгодно отличались отъ исполненія ихъ у насъ зимой, хотя и недурнаго. Изъ сказаннаго нами уже о свойствахъ таланта г-жи Максимовой можно представить себѣ, какой она была симпатичной и простой, задушевной Наташей. Въ заключительной яростной сценѣ она выказала и много силы. Г-жа Лаппо-Давилевская дала законченный, художественный образъ Насти. Трудно увѣрять въ чемъ-нибудь это прекрасное исполненіе. Хриплаго голоса она себѣ не присвоила, что считается типичнымъ для Насти. Но глубокою жизненностью дышали всѣ ея сцены. Когда Настя мечтала вслухъ о своемъ воображаемомъ прошломъ, она вся превращалась въ чистую дѣвушку, проникнутую любовью, какой ей началось быть въ своей истинной сущности, и только вульгарныя рыданія напоминали ея другой, жизнью искаженный, образъ. Баронъ осмѣялъ ее и алкоголь точно сильнѣе проступилъ въ ней. Послѣ дѣтски бѣшеной атаки на барона, съ какимъ жалкимъ, пьянымъ, но глубоко успокоеннымъ выраженіемъ взглянула она на утѣшителя Луку, всей фигурой своей выражая, что онъ вѣрно, превосходно понялъ ее и что она удовлетворена. И вся роль Насти была передана съ одинаковой правдой, съ одинаковой экспрессіей.

Къ удачнымъ исполненіямъ нужно отнести еще роли Анны (г-жа Калиновская), отчасти Костылева (г. Арсеневъ) и Бубнова (г. Семашко), татарина (г. Симченко). Довольно типичны были Алешка (г. Карповъ), Кривой Зобъ (г. Кузнецовъ). Въ Васекѣ Цеплѣ г. Тугановъ, хотя мѣстами не лишены и искренняго драматизма и прочувствованной мимики, въ общемъ какъ будто не зналъ, какой тонъ, какія манеры усвоить, игралъ неувѣренно и вообще цѣльнаго, опредѣленнаго образа не далъ.

Блѣденъ былъ г. Холинъ въ роли городского, крикливъ и ненатураленъ г. Карскій въ Клещѣ.

Василиса (г-жа Легать) была крайне холодна. Ни одной правдивой нотки у нея не вырвалось, игра лица отсутствовала, манеры были не похожи ни на какой реальный типъ.

Объ обстановкѣ пьесы скажемъ, что совсѣмъ напрасно пьеса прошла вся въ одной комнатѣ, а не на дворѣ въ 3 актѣ. Гдѣ то за границей, говорятъ, такъ ставили, но это не примѣръ, достойный подражанія. Потомъ самая декорация этой комнаты фантастична: что то красное и зеленое на нѣсколькихъ рядахъ сводовъ (въ видѣ разноцвѣтныхъ кирпичей), что то нестрое и яркое. Не таковы настоящія ночлежки.